

ПРОЩАЙ, НЕРУШИМЫЙ

*Анализ освещения развала СССР
на страницах газет в 1991 году*

Неожиданный крах ГКЧП после трех дней массовых протестов вокруг Белого дома, возвращение в Москву Михаила Горбачева и арест участников комитета, безусловно, стали событиями, последствия которых невозможно было полностью спрогнозировать. Едва ли обо всем, что последует за подавлением того, что тогда было принято называть «путчем», могли догадываться активные участники событий как на рядовом уровне, так и представляющие руководство ведущих политических сил. Тем не менее у событий последующих месяцев была своя логика. Влияли на эту логику среди прочего и те ожидания, которые были у участников и наблюдателей событий. Мы, разумеется, не беремся воссоздать полную эмоциональную и рациональную картину происходящего для всех его участников. Однако какое-то представление об этом могут дать определенные влиятельные СМИ

того времени, выполнявшие роль ретрансляторов общественного мнения. Прежде всего нас будут интересовать прогнозы и оценки, публиковавшиеся в тех СМИ, которые считались сторонниками решительных политических преобразований. Ожидания тех политических и интеллектуальных кругов, которые концентрировались в это время вокруг газет, в первые месяцы после августовских событий так или иначе отражались на их страницах. Сейчас они представляют заметный интерес, поскольку дают понять, как виделось происходящее тем, кто так или иначе приложил усилие к тому, чтобы события развивались именно в этом направлении.

В качестве основы взят еженедельник «Московские новости» — пожалуй, одна из наиболее влиятельных газет периода перестройки, безусловно поддерживающая радикальные политические

преобразования. Стоит отметить, что, поддержав курс Бориса Ельцина на повышение самостоятельного статуса РСФСР и критикуя «консерваторов» в окружении Горбачева, «Московские новости» тем не менее сохраняли определенную лояльность по отношению к президенту СССР, поэтому оценка поставгустовских событий авторами газеты особенно интересна. Дополнительное же внимание к этим публикациям привлекает то, что среди авторов газеты того времени можно найти много известных фигур, сыгравших разную роль в политической и культурной жизни России последующих десятилетий. В качестве определенного дополнения мы приведем публикации из некоторых других изданий. Однако они сыграют лишь вспомогательную роль в качестве некоторых ориентиров в сложной картине российской публицистики тех лет.

Если говорить о первых материалах, появившихся в «Московских новостях» вскоре после поражения ГКЧП, то можно увидеть, что само это поражение воспринималось как повод для решительных и радикальных действий. После 21 августа «Московские новости» настаивали на коренном преобразовании действующей политической системы. Одним из показательных материалов того времени можно считать статью знаменитого обозревателя «Известий» Отто Лациса, опубликованную в номере от 24 августа —

в это время газета печатала материалы, писавшиеся непосредственно в дни событий, связанных с ГКЧП, — именно этим, видимо, объясняется, что Отто Лацис решил написать материал именно для приостановленных после введения чрезвычайного положения «Московских новостей» («Известия» приостановлены не были и заняли противоречивую позицию). В статье «Конец эры компромисса» Отто Лацис призывал к немедленному роспуску КПСС: «Шестилетняя эпоха медленного, непоследовательного движения вперед, эпоха политики Горбачева закончилась (...) Вместе с эрой компромисса 19 августа умерла КПСС. Ее руководство, возможно, не участвовало в принятии решения о создании ГКЧП — значит, это не правящая партия. Ее руководство двое суток молчало по поводу захвата хунтой своего генерального секретаря, избранного съездом, — значит, это вообще не партия (...) Демократии придется теперь действовать по-новому, с учетом страшного урока. Только этим мы сможем возместить малую часть долга перед павшими, только так мы восполним долг перед будущими поколениями», — писал он. Возможно, эти строки были написаны в некоторой горячке. Тем не менее они выражали определенное настроение. При некоторой сумбурности событий 19—21 августа (как это видится сейчас) тогда они представлялись патентом на самые радикальные пре-

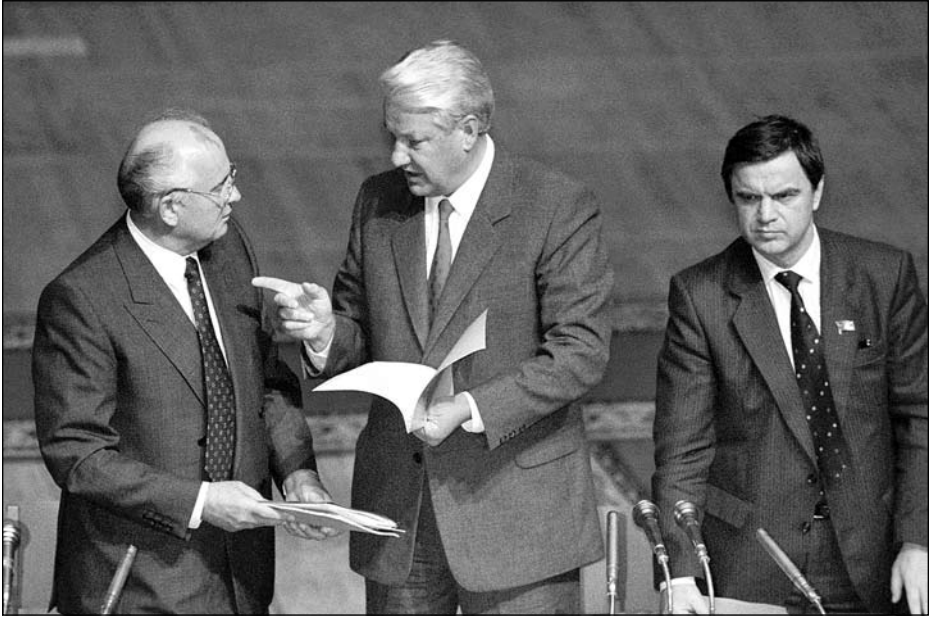
образования как политические, так и экономические. Попытка части государственного руководства совершить не предусмотренные конституцией действия в этот момент казалась достаточным поводом для демонтажа некоторых конструкций традиционной политической системы, в частности, КПСС.

О финале перестройки писал в это время и обозреватель «Московских новостей», будущий редактор газеты Лен Карпинский. Его материал в номере от 1 сентября так и назывался: «Перестройка кончилась, начинается новостройка». «Именно прежний курс полушагов оказался порочным(...) — писал Карпинский, — поэтому, проходясь по лицам, замешанным в перевороте, предстоит пройти по структурам, его породившим. Подвергнуть ревизии необходимо и политический курс, который вел нас в пропасть». Иными словами, мысль о коренном демонтаже государственной системы после того, как некоторые лица из этой системы неудачно ввели в Москву танки, была достаточно популярна, по крайней мере, среди тех, кто мог считать себя победителями в произошедших событиях.

Впрочем, определение круга победителей было отдельной задачей, которая решалась далеко не только в «Московских новостях». Революционность событий требовала описать, кто был движущей силой революции. Этот жанр требовал определенного пафоса, а также не-

избежной идеализации происходящего.

Среди разных тем, обсуждавшихся в эти дни, появлялась и тема новых поколений, которые внесли свой вклад в успех общественного сопротивления. При этом рассуждать о «поколениях перестройки» было не очень просто, учитывая, что с момента ее начала прошло всего 6 лет. Поэтому особое внимание обращалось на совсем юных участников стояния у Белого дома. Восторженную статью им посвятила, в частности, Ирина Овчинникова — специальный корреспондент «Известий», писавшая на тему школьного и вузовского образования. Статья «Непуганые дети» вышла в газете 23 августа. «Им было десять, двенадцать, пятнадцать в 85-м, и глина, из которой они слеплены, еще не успела отвердеть. Поэтому они, как выяснилось в трагические дни и ночи с 19 по 22 августа, не ведают страха, впитавшегося в плоть и кровь старшего поколения, им не пришлось ломать себя, чтобы свободно отдаться зову гражданской совести», — писала автор. Статья поет дифирамбы новому поколению, которое, по мысли Овчинниковой, свободно от пороков сознания советского человека: «Да, десять дней спустя на первых уроках учителю наконец-то не надо будет далеко ходить за так называемыми положительными примерами. Пережитые нами три дня явили их в таком множестве, что позволяет разрушить нравственные

Верховный Совет РСФСР. 22 августа 1991 года.
Фотография предоставлена Ельцин Центром

завалы, образовавшиеся за десятилетия и состоявшие более всего из искаженных понятий. Сегодня есть возможность каждое из них наполнить подлинным смыслом. Как под увеличительным стеклом мы видели преданность и предательство, трусость и рыцарство, верность и измену. Ни душой не придется крикнуть, ни в книжную пыль погружаться, чтобы рассказать детям, кто есть кто и что есть что». Сопротивление ГКЧП действительно представлялось поворотным моментом истории и чем-то таким, что будет формировать коллективную память целых поколений.

Похожий материал был помещен также и в первом номере «Ли-

тературной газеты» от 28 августа, вышедшем после августовских событий, в статье «Гаврики». Он также был посвящен школьникам, оказавшимся на баррикадах у Белого дома. Автор В. Голованов предсказуемо сравнивал их с гаврошами и также посвятил им восторженный панегирик: «Эти московские мальчишки даже не представляют, до какой степени им повезло. Что они вошли в жизнь с этой августовской победой, а не с битой мордой униженных, раздавленных, непрерывно обманываемых и вынужденных непрерывно врать верноподданных (...) Я дико завидую им. Всего три ночи и такой прорыв. Они быстрее нас поняли, что почему».

Далее в заметке гавроши противопоставляются равнодушному большинству общества, на которое надеется «любая хунта». Большинство это, между прочим, описывалось так: «Другие притерпелись к ярму и чувствуют себя в нем уютно: воруют друг у друга, спекулируют жратвой и барахлом, пьют пиво. И если бы вас, гаврики, раздавили у Белого дома, они продолжали бы делать то же самое».

«Невинные» подростки, таким образом, описывались как некая легенда «революции» — те, перед кем впоследствии может стать стыдно, если что-то пойдет не так. А сами эти подростки становились олицетворением новой свободы, некоторым «результатом» перестройки. А в случае автора «Литературной газеты» среди пороков общества, от которых далеки «гавроши», перечисляется также стремление к спекуляции и привычка пить пиво — этот наивный антикапиталистический и антиобывательский пафос, возможно, последнее (и вряд ли сознательное) напоминание о первоначальной линии на обновление социализма, с которой начиналась перестройка.

В том же номере «Литературной газеты» был помещен небольшой материал с воспоминаниями о событиях вокруг Белого дома за авторством А. Никитина. В нем так же характерно выведена мысль о преображении, которое пережил народ благодаря участию в протестах

против ГКЧП. Описывая сцены на баррикадах и вокруг автор с жаром провозглашает: «Это мы — «совки» несчастные, не способные проехать в автобусе, чтобы не переругаться, затаптывающие в очередях за водкой и колбасой стариков и женщин (...) Мы не такие, такими нас сделала эта сволочь, гудящая вокруг нас танками. Мы — великий, гордый, прекрасный народ великой страны. Среди нас чуть ли не все оттенки цветов кожи, разреза глаз. Всегда так было: миллионы прекрасных разноплеменных сыновей у России. А вот так не было: независимые соседи-друзья на ее границах. Так будет. Мы подняли на аэростате флаг независимой России, а с ним на одном тросе флаги Литвы, Армении, Грузии, Украины». Написанная еще в явном состоянии эйфории статья, между прочим, интересна тем, что одно из идеальных ожиданий было связано именно с распадом Союза. Хотя едва ли кто-то представлял себе возможные технические детали, с Союзом прощались как с чем-то отжившим. «Независимые соседи-друзья» виделись более радостной картиной, чем союзные республики.

Первые дни после провала ГКЧП оспаривать доминирующее мнение о свершившейся революционной победе осмеливались далеко не многие. Весьма характерно, что орган ЦК КПСС газета «Правда», выпуск которой после провала ГКЧП был временно приостановлен, в первые

дни после возобновления выпуска (уже в качестве общеполитической газеты, выпускаемой трудовым коллективом) действовала крайне осторожно и демонстрировала полную лояльность победителям. Так, в первом после снятия запрета на выход газеты номере, вышедшем 31 августа 1991 года, была помещена статья «Этот урок мы усвоили?», где, в частности, писалось следующее: «Мы (...) не были удостоены хунтой чести быть закрытой. Это сделала новая власть. Не закрыв, а только приостановив наш выход, — чтобы правдисты одумались, стряхнули с себя идеологическую перхоть. Сегодня мы выходим вновь и, дай Бог, доказать людям, что перемены, которые они обнаружили в облике газеты — не бутафория. Мы будем стремиться работать так, чтобы следующая хунта, если такое случится, первой закрыла «Правду»».

Примечательно, кстати, что эта статья сопровождалась фотографиями, сделанными фотографами «Правды» на улицах Москвы в дни ГКЧП. Так правдисты демонстрировали, что тоже следили за происходящим и были вместе со всеми в гуще событий, что, вероятно, с точки зрения редакции, подтверждало, что они хотя бы отчасти были вместе с победившей стороной.

Стоит отметить, что и о перспективах распада Советского Союза в эти дни в «Правде» писали без особенного беспокойства. В частности, статья «В котле бурлит» от 4

сентября, комментирующая работу последнего чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР (проходившего с 2 по 5 сентября 1991 года и завершившегося фактическим самороспуском этого органа), началась с лиричного захода: «В течение двух дней прений в зале Кремлевского Дворца съездов слышался отчетливый хруст. Очень походило на то, что Съезд народных депутатов СССР угодил под суровое колесо истории». Далее авторы статьи Е. Сорокин и В. Широков спокойно констатировали, что СССР в прежнем виде прекращает существование, а на его месте, по-видимому, возникнет какое-то новое образование: «Ничего страшного в этом нет — один из выступавших народных депутатов напомнил о судьбе Британской империи, преобразовавшейся в Содружество наций и живущей-поживающей ныне не так уж плохо. Тем более, если новый Союз, все его участники обязательно продекларируют права и свободы всех своих граждан, независимо от их национальности, религиозных и идеологических убеждений».

Впрочем, эйфория от победы у «демократов» уходила достаточно быстро, в том числе и в газетах, всецело поддерживающих случившиеся перемены. В частности, в «Московских новостях» уже 1 сентября Александр Кабаков в статье «Тень на пиру» сменил пафосный стиль и сокрушался по поводу обращения с Михаилом Горбачевым на

Митинг в Екатеринбурге. 1991 год. Фотография предоставлена Ельцин Центром

Съезде народных депутатов РСФСР, где произошла знаменитая сцена между Горбачевым и Ельциным, который фактически требовал от президента СССР подписать указ о роспуске КПСС и всячески демонстрировал ему полноту власти, приобретенную после провала ГКЧП. «Невеликодушно унижать спасенного президента (...) Мы-то должны сообразить, что перебивать его, кричать, задавать издевательские вопросы недостойно российских депутатов! Это не демократия — это просто плохое воспитание». В статье упоминается также о закрытии коммунистических газет и некоторых других неоднозначных решениях: «Конечно, всё это можно считать издержками победы. Люди устали за семьдесят четыре

без малого года. Еще больше устали за трое бессонных суток. Но страшно, что так, издержка за издержкой, можно исчерпать весь, небольшой пока, капитал демократии».

Вопрос о том, как относиться к Михаилу Горбачеву после августа, среди сторонников радикальных перемен однозначного ответа не получил. Александр Гельман в статье «Горбачев и свобода» предложил относиться к нему по-прежнему как к лидеру перемен, однако лишь в случае признания им своих ошибок и под контролем «победившего» народа. «И было трехдневное стояние у белых стен, и произошло чудо, — писал Александр Гельман, — и уже 21 августа после обеда народ России, народы всей страны вновь обрели свободу. Но не ту, не горбачевскую.

Это была уже другая свобода. Та свобода пришла сверху, ту свободу дал он, а эту свободу дали ему».

В новой послеавгустовской ситуации Гельман призывает Горбачева объяснить народу, почему он доверял своему окружению, что определяло его кадровые решения на экономическом направлении, и раскрыть другие «тайны»: «Исповедавшись, он почувствует себя увереннее, спокойнее. Без такой откровенности ему будет трудно преодолеть внутренние противоречия». Дальше в идеях Александра Гельмана Горбачев превращается в некоего почетного заложника революционного народа: «Президент стал ближе к нам после всего, что случилось с ним (...) Сегодня он может действовать как подлинно свободный президент. Такого никогда не было в этой стране. Но и мы сегодня можем спрашивать с него как подлинно свободный народ».

При этом начавшееся в конце августа принятие деклараций о независимости рядом союзных республик, в частности Украиной и Белоруссией, воспринималось как попытка изолироваться от общих перемен. В коллективном материале «Московских новостей» «Союз вывернулся наизнанку», также напечатанном 1 сентября, прямо утверждалось, что Ельцин в противостоянии ГКЧП «олицетворял не только Россию, но и демократически обновленный Союз в целом, то есть блок Ельцин-Горбачев». «От

чего они ищут спасения? От имперского центра или от демократической заразы, источником которой он неожиданно стал?» — задавалась вопросом газета.

Так, постепенно формировалось представление о том, что некоторые из составных частей СССР представляют препятствие на пути прогрессивных перемен (дорога к которым, как полагали их сторонники, открылась вместе с поражением ГКЧП). Подразумеваемым выводом из этого заключения становилась мысль о том, что сама возможность осуществить перемены важнее, чем территориальные границы, в пределах которых они будут осуществляться.

1 сентября в «Московских новостях» под заголовком «Вчера мы защищались — сегодня давайте думать» печатались материалы заседания так называемого Совета учредителей «Московских новостей» от 22 августа. Совет учредителей включал близких к редакции интеллектуалов, общественных деятелей и ведущих журналистов. В заседании 22 августа, в частности, приняли участие Александр Бовин, Олег Богомолов, Андрей Грачев (вскоре ставший пресс-секретарем Михаила Горбачева), Григорий Явлинский и другие. Учредители обсуждали повестку дня, сформировавшуюся после провала ГКЧП. Мнения, высказанные на заседании, формулировались без ссылок на конкретных авторов, как общая позиция Совета.

В частности, в связи с обсуждением перспектив подписания нового союзного договора (предотвращение заключения которого, как предполагается, было одной из целей ГКЧП) говорилось следующее: «Победа Ельцина создает новую ситуацию, когда Россия становится центром реформаторства во всей стране. Диапазон возможностей Ельцина расширился. Союзный договор, проект которого писался под давлением крючковых, лукьяновых и иже с ними, должен быть пересмотрен, он не соответствует новому соотношению сил (...)» Функции Кремля как центра союза должны быть ограничены функциями консультативно-координирующими, согласительными, вот о чем надо думать (...) Республики должны обрести право свободного решения своей судьбы». Таким образом, уже на следующий день после провала ГКЧП среди сторонников радикальных перемен появилось представление о том, что фактический центр власти переместился в сторону российских структур. За Горбачевым же, а соответственно, и вообще за структурами союзного уровня могут быть оставлены лишь почетные представительские функции. И, возможно, посредничество в межреспубликанских спорах.

Вместе с рассуждениями членов совета учредителей был помещен материал Евгении Альбац и Наталии Геворкян «КГБ СССР: что будет с ним завтра?» Эта статья, содер-

жащая ряд ссылок на анонимных и малоизвестных сотрудников КГБ, в целом утверждает, что КГБ уже неоднороден и многие сотрудники фактически поддержали российское руководство. «На фоне этого факты конкретной помощи действующих и бывших сотрудников Комитета уже не удивляют. Именно они, по словам подполковника КГБ в отставке Владимира Рубакова, обеспечили распространение информации из Белого дома через 600 абонентов спецсвязи (...) Бывшие комитетчики, занявшиеся коммерческой деятельностью, сумели снять со счета и довести до Белого дома миллион рублей наличными».

Сложно сказать, о чем именно шла речь в последнем случае и какие бывшие комитетчики привозили на Краснопресненскую набережную миллион рублей, но, так или иначе, это подтверждает общий и важный в контексте тех дней вывод: КГБ не абсолютное зло, а со спецслужбами можно работать. Там же приводится мнение бывшего разведчика Михаила Любимова (отца одного из ведущих «Взгляда» и нынешнего члена совета директоров холдинга РБК Александра Любимова), что «загонять в угол чекистов нельзя». Таким образом, в одной из наиболее влиятельных газет «демократического направления» фактически появилось обоснование необходимости использования старых спецслужб новой властью. То, что авторами этого материала были Ев-

геня Альбац и Наталия Геворкян, кажется определенной исторической иронией.

Тема отношений с КГБ продолжилась в следующем номере газеты, вышедшем 8 сентября, где было помещено интервью с новым председателем КГБ СССР Вадимом Бакатиным. Вадим Юрьевич рассказывал о планах реорганизации комитета, выведения из него Пограничной службы, военной контрразведки, военных подразделений и других структур. Однако среди прочего делился своими мыслями об отношениях нового КГБ с обществом. В частности, на вопрос «Как избежать катастрофического для людей госбезопасности общественного негодования, которое валом продолжает катиться на КГБ?» Бакатин ответил следующим образом: «Если говорить в целом, тень прошлых репрессий и других преступлений ложится на карательные (...) органы, но общество должно же понять, что оно само виновато, — ведь терпели же, жили, а теперь все стали героями, все хотят кого-то обвинять. Нельзя так. Нам надо многое друг другу простить» (Эта характерная цитата была взята в качестве заголовка интервью).

В том же номере была опубликована колонка Елены Боннэр «Держать? Кого?», которую можно считать квинтэссенцией наиболее радикальной оценки происходящего в стране с точки зрения представителей «демократических

убеждений». «А с утра Украине независимой и Казахстану сказано было: не рыпайтесь, а то мы — победители, Великая Россия — территориальные претензии вам предъявим. Бог ты мой, ну почему моя любимая, моя единственная и действительно великая Россия ничему на собственной крови, на собственном опыте не учится? Ведь дала судьба Ельцина (...) Что дала нам та великая, насквозь кровью пропитанная победа? Триста миллионов рабов в собственном доме, гидру военно-промышленного комплекса, горы оружия (...) только для того (или за то?), чтобы мы чуть ли не половину Европы в собственную вонючую тюрьму затащили. По новой пойдем?» — писала Елена Боннэр, комментируя эпизоды IV съезда Народных депутатов СССР. «Прозревшие люди, научившиеся различать правду и ложь (великий урок и пример Андрея Дмитриевича Сахарова), будут жить в суверенных и, надеюсь, если у лидеров от победы голова не закружится, дружественных государствах», — писала вдова академика. В статье она упоминает о человечески хорошем отношении к Борису Ельцину и тем не менее считает нужным предупредить: «Это не значит, что я буду молчать, если его и дальше понесет в великую Россию. Державу. От слова «держать»».

Можно упомянуть, что метафора про «вонючую камеру», в которую Россия затащила Восточную

Европу в 1945-м — цитата из выступления Елены Боннэр перед народными депутатами России и Союза 28 августа. Так, во всяком случае, эта речь определяется в газете «Куранты», где она была опубликована 3 сентября 1991 года. Тогда, констатируя смерть СССР, Боннэр предложила предоставить право полной государственной самостоятельности всем автономным образованиям на территории СССР, заключив с ними при посредничестве Съезда народных депутатов СССР договор о гарантировании прав меньшинств, после этого Съезд и Верховный Совет должны объявить о самороспуске. Ядерное оружие, с точки зрения Боннэр, должно быть передано некоему высшему контрольному совету (по-видимому, состоящему из представителей новых государств), а офицерам Советской армии следует предоставить гарантии пенсии и жилья в местах службы или в любой другой точке по их выбору. В этом же выступлении Елена Боннэр с возмущением приводила реплику из обсуждения, свидетелем которого она стала. Речь шла о возможном создании общего правительства из представителей всех союзных республик. В разговоре, как можно понять, участвовали представители российского руководства и, если верить Боннэр, велся он так: «Россия есть Россия, и ей в будущем межреспубликанском правительстве должно быть премьерство (...) Ну а Министер-

ство образования отдадим какому-нибудь там Усман-задэ». Заканчивалось выступление следующей тирадой: «И еще одно требование. Нравственное требование России. Всё-таки много лет мы были сытее, чем хлопковый Узбекистан или еще кто-нибудь. Нам придется им помогать. Я на себя беру очень большую функцию на ближайшие месяцы. Я буду объяснять Западу, а Запад меня слышит, что нельзя помогать только России. Я голову разобью за то, чтобы помогли всем республикам. А вам, товарищи депутаты, надо думать, допустимо ли нас согнать в очередной раз в великую Россию, в тюрьму народов» («Россия не должна стать тюрьмой народов», «Куранты», 03.09.1991).

Замечание Боннэр о территориальных претензиях России относилось к краткому эпизоду политических событий тех дней — 26 августа пресс-секретарь президента Ельцина Павел Воцанов сделал неожиданное заявление о том, что Россия может предъявить территориальные претензии к республикам, отказывающимся подписать новый союзный договор. История появления данного заявления (вскоре дезавуированного российским руководством после резкой реакции со стороны Украины и Казахстана) не вполне ясна. Тем не менее сама мысль о подобной возможности стала предметом публицистических обсуждений, о чем пойдет речь ниже.

Между тем к середине сентября мысль о том, что Союз, скорее всего, сохранить не удастся, постепенно становилась очевидной. Во всяком случае, на страницах «Московских новостей» начали всё серьезнее обсуждать альтернативные сценарии. Один из них в статье «Что дальше?» был представлен 15 сентября Александром Ципко, в 1988—1990 годах работавшим помощником члена Политбюро Александра Яковлева и бывшего одним из интеллектуалов, обеспечивавших поддержку официального курса перестройки. На этот раз Ципко выступил как сторонник скорейшего превращения РСФСР в самостоятельное государство: «На мой взгляд, если не удастся объявившие государственную самостоятельность Украину и Казахстан привлечь к строительству нового обновленного Союза, то руководству РСФСР надо немедленно приступить к окончательному оформлению своей государственности (...) На территории бывшего СССР должен быть хоть один сильный и прочный центр. Если его не смог создать Горбачев, то решить эту задачу предстоит Ельцину». При этом он предостерегал российских политиков от любых попыток влиять на выбор суверенных республик: «И не дай Бог российским демократам переступить через собственные принципы суверенизации советских республик, верховенства республиканских законов над союзными. Демократический империализм

еще более неприличен, чем коммунистический (...) Великороссам пора научиться ответственности за свои поступки и свои политические идеи».

22 сентября в «Московских новостях» появилась статья «Между нами равными говоря». Ее автором была Ксения Мяло, старший научный сотрудник ИНИОН, в будущем активный деятель русского национального движения. В этой статье, среди прочего, рассматриваются вопросы о взаимоотношениях России и будущих суверенных республик, а также вопрос границ. В частности, Мяло писала о том, что многими политиками теперь суверенных республик подразумевается, что Россия «снова как «большая», «первая среди равных» должна уступить «маленьким», что рекомендовал еще Ленин». Мяло формулирует мысль о том, что «необходимым условием плавного перехода от общесоюзных к российско-республиканским отношениям является, если угодно, распространение на Россию «презумпции невиновности», которой пользуются все государства мира. По идущей от большевиков традиции любое государственное самоявление России неизбежно трактуется как великодержавный шовинизм». Что касается национальных отношений на пространствах бывшего Союза, то Мяло выдвигает тезис, что «население большинства республик не образует наций в международно-правовом

смысле» — исключением при этом является Россия, где процесс формирования нации «исторически прошел уже давно, и которая даже в советский период привычно выступала в образе общего для всех государства». Именно поэтому, по мнению Мяло, не следует фиксировать границы союзных республик, поскольку «некоторые республики уже сегодня должны быть готовы, что демонтаж Союза вряд ли ограничится лишь верхними его этапами. Следующим этапом станет демонтаж некоторых из ленинско-сталинских республик, и речь может идти только о его способах: правовых или под резким давлением снизу». При этом Мяло предостерегала Россию от политического вмешательства в процессы, которые могут начаться в среднеазиатских республиках. «Думаю, дружелюбная дистанция при одновременно поставленной на правовую основу защите российских интересов и российских граждан будет оптимальной позицией. И, разумеется, для своей реализации она вовсе не требует заключения нового союзного договора».

Впрочем, в следующем номере еженедельника 29 сентября была опубликована колонка министра иностранных дел РСФСР Андрея Козырева «Россия стремится на Запад». В ней Козырев, официально не исключая возможности сохранения Союза в какой-то форме, настаивал на невозможности любых пересмо-

тров границ. «Отношения с бывшими и будущими союзными республиками целесообразно основывать на принципах, оправдавших себя в общеевропейском процессе, — нерушимость и открытость границ, права человека и национальных меньшинств, взаимовыгодное сотрудничество. Пожалуй, ни одному государству в мире история не оставила идеальных границ», — писал российский министр иностранных дел.

29 сентября со своим прогнозом в газете выступил Алексей Улюкаев, в недавнем прошлом министр экономического развития России, а ныне обвиняемый в уголовном деле по вымогательству взятки от «Роснефти» (в 1991 году он был политическим обозревателем «Московских новостей»). Он, в частности, писал об «обреченности» России на имперский характер государства, что, с его точки зрения, не означало обреченности на авторитарное правление. Далее же он выдвигал предположение, что Россия займет по отношению к прежним союзным республикам роль Советского Союза по отношению к странам СЭВ, а регионы РСФСР окажутся в той же позиции, что и Союзные республики в годы перестройки. «И так же, как в старом конфликте, возможно будет совместное выступление нескольких регионов против центра. Причем это, я думаю, не будет определяться политико-идеологическими характеристиками, — писал Улю-

каев, — как демократическая Эстония, автократический Казахстан и тоталитарная Грузия критиковали Москву примерно с одних позиций, так теперь демократический Санкт-Петербург может иметь больше точек соприкосновения с консервативной Кубанью, чем с руководством федерации» («Найдется ли новый центр», МН, 29.09.1991).

Впрочем, главное, к чему призывал Улюкаев, — обеспечение единой макроэкономической стратегии. Она может быть разной степени продуманности и удачности. «Но если при имперской структуре есть центр, проводящий разумную и сильную экономическую политику, реформы пойдут. Найдется ли такой центр?» При некоторой несвязности и отсутствии четких предложений колонка Улюкаева вписывалась в общую установку, что российская власть должна сформировать эффективный центр и самостоятельно начать экономические преобразования.

6 октября в «Московских новостях» появилась еще одна статья о необходимости скорейшего оформления Россией своей государственности и превращения ее в новый центр для всего пространства бывшего Советского Союза — «Может ли выжить ельцинская Россия». Ее автором был Андраник Мигранян. «У победителей над путчистами хватило мудрости не покончить одним ударом с провалившимся центром. Но остатки его необходи-

мы лишь для легитимной передачи власти в республики. И в первую очередь в Россию», — писал он. По мысли Миграняна, Россия должна сыграть роль «гаранта безболезненного роспуска империи», но для этого «обрести собственную историческую и юридическую легитимность», иными словами, выступить в роли теперь уже бывшей метрополии на общем пространстве. При этом Мигранян полагал возможным пересмотр границ с республиками, во всяком случае, считал границы предметом двусторонних переговоров. Роль новой России он также понимал однозначно: «В конце концов, Россия сегодня остается единственной великой державой в военно-политическом и экономическом отношениях на всем огромном евразийском пространстве. На нее естественным образом возлагаются функции по стабилизации этого пространства. Какие бы неприятные ассоциации и страхи ни вызывали подобные функции, важно понять, что великие державы объективно несут свое бремя. Никому в голову не приходит поставить под сомнение роль США в обеспечении стабильности в таких регионах, как Центральная Америка или Ближний Восток». Иными словами, Андраник Мигранян рисовал роль новой России, отвечающей за политику на постсоветском пространстве по примеру Англии и Франции, сохраняющих влияния в своей бывшей колониальной сфере.

Будущее рисовалось как решение ответственной, но выполнимой задачи, результатом чего будет закрепление новой, но не менее важной перспективной роли Москвы на постсоветском пространстве.

Примечательно, что следующий номер «Московских новостей», вышедший 13 октября, наоборот, был тревожным и наполненным оценками вероятности новых попыток государственного переворота.

В частности, Евгения Альбац описывала опубликованный незадолго до этого документ Аналитического управления КГБ СССР под названием «Угроза безопасности и необходимость сотрудничества республик». Гарантией же от этого, как пишет Альбац, с точки зрения авторов записки, должно стать подписание республиками договора о создании системы коллективной безопасности, формирования четкой центральной власти, а также раздача собственности, чтобы создать заинтересованность в новой власти» («Нас не предупредят, когда это случится», МН, 13.10.1991). Иными словами, приводимые Евгенией Альбац записки аналитического управления КГБ обрисовывали сценарий, соответствующий всем мрачным преапокалиптическим ожиданиям того времени. Иногда подобные сценарии полного развала страны, голода и гражданской войны становились в те годы материалами художественных произведений, подобных популярному тогда

«Невозвращенцу» Александра Кабакова, однако на этот раз подобное подавалось не как фантазии, а как прогноз аналитиков государственной службы безопасности. Защитой от подобных страшных сценариев должно было стать выстраивание твердой централизованной власти под началом российских властей и раздача заинтересованным лицам государственной собственности.

В том же номере были статьи, рассматривающие готовность армии совершить новый переворот. «Что мешает армии еще раз отказаться что-либо делать, если будет проводиться «работа над ошибками» 19 августа? А что мешает ее среднему звену проследить, чтобы на этот раз всё было сделано профессионально?», — писали Владимир Губарев и нынешний директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин («Армия после путча или накануне?», МН, 13.10.1991). Одновременно в другом материале предупреждали о возможности балканизации России и повторения сценария Югославии, переживавшей в этот момент острую фазу распада — имелось в виду образование блока военных и бывших коммунистов и начало вооруженной борьбы за сохранение единого государства («Югославский синдром. Возможен ли он в Советской Армии?» МН, 13.10.1991).

Дальше «Московские новости» также продолжили рассматривать различные сценарии будущего, по-

свящая им отдельные номера. В частности, номер от 20 октября был посвящен рассмотрению темы выхода России из состава СССР. Характерно, что в данном номере также писалось о различных апокалиптических слухах. В частности, колонка заместителя главного редактора «Московских новостей» Степана Киселева «...из пены на губах ангела» начиналась со следующего пассажа: «Из источника, заслуживающего абсолютного доверия, стало известно, что на прошлой неделе в кулуарах Российского правительства обсуждался вопрос о возможности обмена ядерными ударами между независимой Украиной и РСФСР». Что бы ни стояло фактически за этой информацией, это показывает круг возможных тем для обсуждения в газетах в эти месяцы.

Одновременно, впрочем, в колонке Александра Кабакова «Солдатык, спаси!», опубликованной в том же номере газеты формулировалась позиция, которая до того казалась абсолютно неприемлемой на страницах «демократического» издания. Писатель говорил о необходимости армии вмешаться в гражданские конфликты на территории бывшего СССР и обоснованности поддержки такого решения со стороны Москвы. «Я помню, как мы — десятка полтора литераторов — позапрошлой зимой собирались на Чистопрудном бульваре демонстрировать у Иранского посольства против охоты на Салмана Рушди (...) Что-

то не видно сегодня демонстраций на московской улице Палиашвили у грузинского представительства. Что-то не слышал я о широких протестах относительно демонстрации и убийств в Карабахе(...) Боимся. Неловко как-то. Демократические россияне — стесняемся, что заподозрят в великодержавности, обзовут осколками империи, заклеят», — писал Александр Кабаков. Там же он пишет о том, что ему стыдно как за то, что советские солдаты входили в Будапешт и Прагу, так и за то, что «теперь регулярные войска сидят в казармах, когда рядом неизвестно кем вооруженные люди убивают безоружных» (МН, 20.10.1991). Таким образом, роль военных на фоне обострения обстановки на постсоветском пространстве начала медленно пересматриваться — в том числе и теми общественными силами, кто прежде скорее страшился армии. Косвенно это также было связано с осознанием изменения роли России, а значит, и таких атрибутов государства, каким является армия.

Впрочем, выход России из СССР, обсуждавшийся в номере, прежде всего интересовал авторов как возможность проведения радикальных реформ. Об этом, например, писал Владимир Гуревич в статье «Россия выходит из себя». Одновременно в газете осторожно поднимался вопрос о необходимости урегулирования отношений с автономиями. Репортаж «Ахилле-

сова пята России» о происходящем на Северном Кавказе, где Джохар Дудаев уже стал президентом Чечни, при этом был наполнен отчетливо паническими нотками: «Сегодня практически в любой точке вдоль почти тысячеверстной линии от юга Дагестана до Владикавказа может начаться беда российского масштаба, — писал автор материала Сергей Минеев, — и противостоять ей можно только действиями такого же масштаба, не пытаясь предотвратить огромный пожар стаканом воды».

Выход России из состава СССР представлялся по материалам этого номера, а также другим предыдущим материалам еженедельника скорее неизбежным шагом, дающим многие преимущества в сфере экономической политики (которая на тот момент занимала, по-видимому, приоритетное место в общественном сознании). Различные же вопросы государственно-политического и исторического характера, в том числе связанные с отношениями между бывшими республиками, хотя и обозначались, но в ряде случаев не осознавались как острые. Скорее именно в оформлении российской государственности, взгляде на РСФСР как на историческую Россию виделись пути к решению многих проблем (в том числе и вызывавших откровенную тревогу, подобных ситуации на Северном Кавказе — решительные меры, о которых мечтал автор

материала, могло подразумеваться принять только российское государство).

Своеобразной кульминации обсуждения новой реальности в отношениях с бывшим советским пространством достигло в номере 3 ноября, который был посвящен независимой Украине. Учитывая традиционную остроту восприятия темы украинской независимости российским общественным сознанием и связанные с этим многочисленные исторические и культурные коннотации, здесь тема нового постсоветского мира и прогнозов развития отношений между новыми государствами могла раскрыться особенно широко.

Коронным материалом этого номера можно считать обширную статью Глеба Павловского (представленного в газете просто как «публицист») «СССР умер, не оставив завещания», посвященную будущему независимой Украины и возможным отношениям нового государства с Россией. Данная статья интересна, прежде всего, не только обозначением возможных критических моментов в развитии украинской государственности и российско-украинских отношений (некоторые из которых оказались очень точными), но и предложением собственной концепции в отношении к реальности украинского государства. Этой концепции также суждено было сыграть свою роль в будущих российско-украинских

сюжетах, в том числе в борьбе оценок различными общественными силами России Первого и Второго Майдана.

Уроженец Одессы Глеб Павловский скорее позитивно воспринимал появление независимой Украины, хотя и видел ряд серьезных внутренних и внешних рисков для ее будущего. При этом он особо предостерегал Россию от рассмотрения русскоговорящих жителей национальных республик в качестве своих возможных граждан и попыток разыгрывать эту карту: «Эта доктрина — граждане РСФСР есть все говорящие по-русски, либо преследуемые в качестве русских — самая опасная часть новой идеологии. Ее гуманитарная оболочка обманчива. Российская Федерация, еще не определившая понятие гражданина РСФСР, фактически объявляет по всему Союзу вербовку таковых, при этом не связывая принятие гражданства с переездом лица на территорию РСФСР! Как и прежде, во времена «защиты православных в Османской империи», гуманизм метрополии совершенно свободен от формальных обязательств: «кто русский» будут решать в Кремле применительно к ситуации», — писал он. При этом, по оценке Павловского, применение такой доктрины превратит российскую государственность в «обновленную машину вмешательства», что поставит крест на любых попытках экономического переустройства и демокра-

тизации государства. Фактически Глеб Павловский предугадал некоторые политические процессы, которые начали развиваться на постсоветском пространстве много лет спустя и особенно ярко проявились в отношениях с Украиной.

Павловский формулировал значение украинской независимости так: «Если не злоупотреблять историческими претензиями, сегодня в Европе существуют как минимум два российских государства: российско-московское и украинско-российское». Фактически именно в этих строчках была, по-видимому, впервые после краха СССР сформулирована идея новой Украины как альтернативной России — именно та концепция, которая станет особенно популярна в кругах русской оппозиции после «Оранжевой революции» 2004 года, и особенно отстаиваемая тогда Станиславом Белковским. Как можно видеть, ее истоки отыскиваются в концепции Глеба Павловского 1991 года.

Собственно, защитой подобного альтернативного российского государства со стороны Москвы и занимается Глеб Павловский. При этом он даже готов признать обоснованность претензий Украины на часть советского ядерного арсенала — именно как на атрибут старого советского суверенитета. «Ради русских», по мысли Павловского, следовало признать, что «у покойного Союза нет единого наследника».

Стоит заметить, что Украина не видится ему национальным государством украинцев, и защита интересов украинского государства связана именно с надеждой на появление «альтернативной России». Павловский пишет о том, что, с его точки зрения, «нет и не может быть единой, централизованной, однородно-национальной Украины — большой соблазн, которым южане заразились от империи, за что и лишились своей первой республики в 1918–19 гг. В отличие от России, Украина достигала единства лишь тогда, когда не пыталась к нему принудить». Как считал Павловский, «бюрократическая принудительная украинизация» разрушит шанс Украины на государственность. И именно в мягкости и либерализме в национальных и культурных вопросах может заключаться ее преимущество в отношениях с Россией. Именно это, с точки зрения Павловского, может минимизировать угрозу переориентации русских регионов Украины на Москву. Павловский, ссылаясь на некоторые заявления российских политиков, опасался, что в Москве могут попытаться организовать русские образования на территории других республик в случае ухудшения отношений с ними — в этом случае Советский Союз будет заменен «Союзом русского народа от Москвы до Кушки».

Обрисовывая же перспективы независимой Украины, Павловский

пишет именно о том, что, когда в Москве «политическая дискуссия превращается в конкурс на оптимальный вариант авторитаризма, именно существование на юге большого и богатого, не зависящего от Кремля очага людей, естественно говорящих по-украински и по-русски, — великая надежда демократии в постсоветской Европе. Однако эта надежда рухнет, если в Киеве придут к власти безумцы, а другие безумцы возьмут верх в Харькове, Крыму и Донбасе» («СССР умер, не оставив завещания», МН, 03.11.1991).

Фактически Павловский наметил этой статьей целое направление российской общественной мысли, которая предпочитала смотреть на Украину как на альтернативное русскоговорящее государство и считала, что именно так Украина может укрепить свои государственные позиции. У данной концепции оказалась сложная судьба — на нее поразному глядели оппоненты Кремля, видевшие надежду на появление оппозиционного политического центра в Киеве, или российские государственники, предпочитавшие говорить об угрозе, которую представляет для Украины борьба с двуязычием. Но так или иначе, многие мысли и предположения, высказанные Глебом Павловским 25 лет назад, выглядят очень актуальными и сейчас, особенно после того, как некоторые из его тревожных прогнозов и предположений об опасных

политических механизмах, находящихся в распоряжении России, практически полностью сбылись.

Набор идей и предположений, обсуждавшийся в авторитетных «демократических» СМИ в первые месяцы после провала ГКЧП, по-видимому, может показаться противоречивым. Тем не менее можно видеть, что, с точки зрения многих журналистов, политологов и общественных деятелей, говорить всерьез о сохранении некоего общесоюзного пространства после августа-91 казалось фактически невозможным. Постепенно, после первых дней некоторой неразберихи, газета всё больше стала задумываться о том, что будет представлять собой постсоветское

пространство с Россией в качестве независимого государства. В этих размышлениях часто так или иначе прослеживалась мысль о желательности радикальных экономических реформ внутри России и в отрыве от остальных республик. Однако задавалась газета и вопросом о том, что будет значить самостоятельность России для остального постсоветского пространства. В этих размышлениях можно увидеть прообраз многих идей о неизбежности доминации России, которые стали популярны, скорее, в последующие десятилетия, а также некоторые прогнозы, которые сбылись либо независимо, либо при некотором участии их авторов.

Станислав Кувалдин